

Желаю себе остепениться

Культура. - 2004. - 19-25 авг. - с. 8

Владимир Панков за пять лет после окончания РАТИ (ГИТИС) сумел обрести одну из заметных ролей в современном театре. Своей творческой многогранностью, будучи актером, музыкантом, композитором, Панков, пожалуй, воплощает истинный артистизм. Он органично внедряет в современный сценический язык этнические культуры. Музыкой Панкова озвучено около двадцати спектаклей Москвы и других городов России (в их числе спектакли Международной конфедерации театральных союзов, МХАТа им. Чехова, Современника, Театра им. Пушкина, Центра Казанцева). За музыку к "Двенадцатой ночи" в постановке Доннелланы он удостоен премии "Чайка". Из актерских наград – приз "Московского комсомольца" за роль второго плана в "Пластине". В его досье – соглашения о сотрудничестве более чем с десятком режиссеров. Собственная же постановка – саунддрама "Красной ниткой" (совместный проект Центра Казанцева с Театр.doc) – успела привлечь внимание организаторов международных театральных акций. Недавно спектакль побывал на фестивале "Контакт" в польском городе Торунь, приглашен также в Германию, в Финляндию. Двадцатилетие – возраст чеховских Платонова и Треплева – Владимир ПАНКОВ преодолевает в завидной творческой форме.

– Володя, в природе вашей универсальности нет ли наследственности?

– Мой дедушка со стороны отца был дьяконом Калитниковской церкви, а папа – вообще универсальный человек. Историк по образованию, работал тренером по классической борьбе, проводником, стал одним из лучших паркетников и реставраторов-инструкторов Москвы, сочинял стихи, песни. И когда мне говорят о моей завидной энергии, я знаю, что у него ее было раз в двадцать больше.

– А какие пути привели в ГИТИС?

– Все началось с фольклора. С раннего детства до 12 лет я очень серьезно занимался дзюдо, а потом из-за травмы спорт пришлось оставить, и я попал в коллектив Елены Краснопевцевой "Веретенце". Мы ездили в этнографические экспедиции, собирали старинные песни. В одной из таких поездок в селе Плехово Курской области я познакомился с дедом Егором, и он обучил меня играть на пастушьем рожке – первом в моей жизни музыкальном инструменте. А потом под чутким руководством Елены Краснопевцевой я постепенно овладевал кларнетом, гитарой, другими инструментами. А к деду Егору, царство ему небесное, ездил еще лет десять, пока его не стало. Мне вообще везет на людей, которые помогают формироваться. С коллективом "Веретенце" мы объездили полмира: Испания, Германия, Франция, Англия, США... Я уже заразился вкусом сцены. Да и с самого детства мечтал сниматься в кино. Вот и пошел в актеры. И сразу не поступил ни на курс Гюнчарова, ни на курс Князева. Нику-

да меня не взяли, и я поехал опять с фольклорным коллективом в Англию. А когда вернулся через четыре месяца, судьба подарила мне потрясающего педагога – Олега Львовича Кудряшова, о котором я всегда буду помнить, потому что всем в своей профессии обязан ему. Друзья подсказали, что на музыкальном факультете ГИТИСа идет набор на нулевой курс.

Там под руководством Олега Львовича мы учились играть, петь, танцевать. От нас добивались психофизической гибкости, органичного слияния актерства и музыкальности. Весь наш курс после выпуска в полном составе был взят Геннадием Викторовичем Хазановым в Театр эстрады. За два года я сыграл там в детском мюзикле "Ваня и крокодил" (постановка Екатерины Гранитовой) и в спектакле Геннадия Шапошникова "Прощай, Марлен, здравствуй", где исполнял целую череду персонажей – Жана Тибена, Франка Синатру, Хемингуэя, Ремарка...

– По-моему, режиссеры настойчиво используют ваш талант разномасочного существования: Серебренников в "Пластине", Субботина в "Ощущении бороды", Вайль в недавней премьеры "Дон Жуан". Подобное лицедейство не нарушает ли ощущения целостности вашей роли в этих постановках?

– Прежде всего меня всегда волнует – что болит? Что я хочу сказать зрителю? Про что я сегодня буду играть? Самый веселый персонаж не может быть без боли, как и самый последний гад способен также страдать и плакать.

– А посчастливилось ли вам уже сыграть роль, которую можно назвать любимой, или о такой еще только мечтаешь?

– Мечтается мне о князе Мышкине и об Алексее Карамазове. А моя любимая роль была в гитисовском дипломном спектакле Екатерины Гранитовой "Развязка "Ревизора", где я сыграл Хлестакова.

– Но ведь у вас был еще и Моцарт в спектакле Елены Тарасовой "Счастливы Моцарт" по пьесе Елены Исаевой.

– Если честно, в этом спектакле, мне кажется, мы так и не разобрались с Моцартом. Там возникают только Моцарт и его женщины. А мне бы хотелось сыграть не "Моцарта и его женщины", а "Моцарта". Кто такой Моцарт? И что случилось бы с ним, проживи он больше. Может, он стал бы Сальери?

– А приходилось ли самому ощущать рядом с собой присутствие Сальери?

– Мне не хочется об этом думать. Другое дело, что, глядя на себя самого со стороны, вижу, как светлый мальчиш-первокурсник с годами становится жестче. Но все равно я за собой заметил, что не умею говорить нет". А это нужно сейчас уметь.

– А с кем из режиссеров вам особо комфортно работается?

– Я вновь назову Екатерину Гранитову – педагога ГИТИСа на курсе Ку-

В. Панков

дряшова. И можно сказать, своим режиссером я ощущаю Кирилла Серебренникова – не потому, что его имя уже бренд. Он действительно очень любит артистов, опекает их, очень им помогает.

– К своей первой совместной работе с вами Серебренников привлек и ваш ПАН-квартет, который уже сопровождает его спектакли независимо от того, заняты ли вы там как артист. Расскажите об этом коллективе.

– ПАН-квартет стал образовываться, как раз когда мы работали с Серебренниковым над "Пластиной". А вообще-то писать музыку для спектаклей меня подбила Нина Чусова. Она училась на параллельном курсе у Хейфеца, а Кудряшов был нашим общим педагогом. Нина знала, что я играю на разных инструментах, и предложила мне попробовать написать музыку к ее спектаклю "Шинель", который она ставила с Павлом Деревянко. Так что это она положила начало моей композиторской деятельности. Затем была музыка к "Севильскому цирюльнику" Сергея Алдонина в РАМТе. И процесс стал меня затягивать.

ПАН-квартет – уникальная группа, мы работаем на волнах ощущения, складываем разные впечатления в единую картину. Изначальным материалом является импровизация на заданную тему. Например, мы обозначаем: тема любви. И начинаем импровизировать точно с таким же подходом, как артист импровизирует в заданных этюдах. Конечно, для этого надо очень хорошо чувствовать тончайшие импульсы друг друга.

– Видимо, своим живым участием, скажем, в спектакле "Мещане" ПАН-квартет в какой-то степени исполняет роль той самой "воль-

товой дуги" между сценой и залом, которая так волновала Олега Ефремова?

– По-моему, относительно этого смысла очень хорошо артист Дмитрий Назаров сказал, что, когда он видит глаза ребят-музыкантов, которые с таким интересом смотрят на все, что происходит на сцене, ему хочется с еще большей отдачей играть. То есть от их присутствия актеры ощущают дополнительный энергетический заряд. Они – не лабухи, не аккомпаниаторы, а действующие лица и соавторы.

– И все-таки, в отсутствие нотной партитуры, при всей прелести звуковой стихии в спектакле необходима некая организующая ее система. Видимо, и у вас существует свой специфический принцип, подобно "квадрату" в джазе?

– Действительно, хотя в специфике ПАН-квартета, казалось бы, преобладает импровизация, там есть четко расставленные точки, определяющие вектор этой самой импровизации. Собственно, в этом пути от точки до точки я во многом использую систему Ежи Гротовского, что-то от Михаила Чехова, переложив принципы сценического существования актеров на музыкантов.

– То, что вы сейчас описали, – это естественная органика для исполнителя мюзикла. Наверняка вас приглашали участвовать в наших проектах этого нарождающегося у нас жанра?

– Честно говоря, я не соглашаюсь работать в мюзиклах, потому что жду, когда пройдет этот первый эшелон, в котором даже спектакли с нацией сюжетной первоосновой сделаны по американской кальке. Кальку играть я не собираюсь, я жду, когда явятся наши авторские идеи. Бедь

был же и есть замечательный спектакль "Юнона" и "Авось". Хотя я в общем-то тоже позволил себе игру в мюзикл, вернее, это даже стейб над мюзиклом в степ-фантазии "Белый джаз для двух Пьеро" на темы Дюка Эллингтона по пьесе Ростана. Почему эти два имени оказались рядом? Потому что Ростан совпадает во времени с эпохой зарождения классического джаза. "Виновицей" этого проекта, поставленного в Театре Наций, является моя супруга Ира Лычгина – потрясающий хореограф, один из лучших в Москве.

– Кого бы вы могли назвать особенно значимыми для вас личностями?

– Это Андрей Миронов и Эраст Гарин. При всей их эксцентричности это настоящие трагедийные актеры. Для меня они безграничны и многогранны. Они – граждане мира. Вот и мы должны быть гражданами мира, а не жителями отдельных стран, зон или островов. Для этого нужно быть и самому открытым. Почему в этнических танцах руки открыты ладонями вверх? Чтобы отдать. И важно не забывать людей, которые тебе очень много дают. Совсем недавно судьба одарила еще одним учителем, который вдохнул в меня пристрастие к абсолютно новому для меня делу. Это Андрей Андреевич Эшпай, у которого в фильме "Дети Арбата" я наконец-таки осуществил свою детскую мечту сняться в кино. Я и не мог вообразить, что кинематограф – это так здорово. Но Эшпай – не только великолепный режиссер, но и настоящий психолог. Судьба посылает мне удивительных людей. Они силу дают. Есть команда – есть удача. Нет команды – один в поле не воин. Ну как бы я мог без Нины Чусовой, без Кирилла Серебренникова, без Алексея Николаевича Казанцева? И огромнейшая удача, что мне сразу же посчастливилось оказаться в спектакле "Борис Годунов" Доннелланы в такой блестящей компании. Я там переиграл все небольшие роли, и там звучит моя музыка. Затем уже Доннеллан пригласил меня и моего соавтора Сашу Гусева писать музыку для "Двенадцатой ночи".

– При такой благосклонности творческой судьбы какие желания самому себе пожелания?

– Пожелание себе – остепениться.

– А в чем же выражается ваша нестепенность?

– Во всем. Мне все время кажется, что я что-то не успею, хотя и сам себе говорю: "Вова, ты устал, ну куда тебе еще?" Я же человек жадный, но жаден я на работу. Казалось бы, можно от чего-то отказаться, но если я этого еще не пробовал, ведь интересно попытаться. А еще возникает боязнь, что, когда во мне начинает преобладать композитор, меня и воспринимают только как музыканта. Но для меня музыка и театр существуют воедино – это нельзя делить.

Беседу вел
Лариса ДАВТЯН

Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ

Панков Владимир

25.08.04